

ИСТОРИЯ УРАЛА И ПРИКАМЬЯ**ВЛИЯНИЕ СЮЖЕТОВ САСАНИДСКОГО И СОГДИЙСКОГО
СЕРЕБРА НА ОБРАЗЫ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ**

Р.Ф. Вильданов, А.Ф. Мельничук

Областной центр охраны памятников истории и культуры, 614000, Пермь, ул.25 Октября, 18

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Анализируется влияние сюжетов восточной торевтики (Согдийская Средняя Азия, Сасанидский Иран) на высокохудожественную медно-бронзовую пластику пермского звериного стиля.

Обычно под пермским звериным стилем понимают изображения людей, животных и фантастических существ, полученные методом литья из меди и бронзы. Образы пермского звериного стиля представляют собой яркое явление в искусстве средневекового населения таежной зоны на окраине Восточной Европы.

Одна из важных проблем изучения этого культурного феномена заключается в выяснении его генезиса. Одни исследователи, изучавшие указанное явление в культуре средневекового населения Среднего и Северного Приуралья (Д.Н. Анучин, И.И. Толстой, И.Н. Смирнов, Н.И. Кондаков, Ф.А. Теплоухов), видели истоки пермского звериного стиля в искусстве Передней и Южной Азии, другие (А.В. Шмидт, А.М. Тальгрэн) связывали его генезис со скифо-эллиническим миром, третьи (П.И. Мельников, А.А. Спицын, А.П. Смирнов, В.А. Оборин, Л.С. Грибова, А.С. Сидоров и др.) являлись сторонниками теории автохтонного его формирования на базе местной языческой мифологии. Не будем касаться детальной историографии этого вопроса в целом, так как она хорошо освещена в труде В.А. Оборина¹.

Безусловно, пермский звериный стиль в искусстве древних народов Среднего и Верхнего Приуралья - явление сложное, имеющее различные источники. Прежде всего, это внутренние в виде местных финно-угорских мифологических традиций и внешние источники, которые, по мнению ряда ученых, подготовили значительную иконографическую базу для создания высокохудожественных изделий в культовой

пластике населения Среднего и Верхнего Прикамья, а также Северного Приуралья². Однако, как нам представляется, правы и те исследователи, которые полагали, что наиболее сложные образы пермского звериного стиля зарождались под влиянием среднеазиатской (сасанидской, согдийской) торевтики³.

Культурные связи населения Среднего Приуралья со среднеазиатскими культурными центрами активно устанавливались уже в раннем железном веке (Ахеменидская, Кушанская, Парфянская державы), что наряду с образцами скифо-сарматского искусства оказало существенное воздействие на формирование ряда образов медно-бронзового художественного литья у ананьинского и гляденовского населения⁴. К началу Великого переселения народов (IV в.) культовое медно-бронзовое литье из знаменитых костяк гляденовской культуры, где найдены самые ранние образцы классического пермского звериного стиля в Приуралье, исчезает⁵. Это явно связано с ограничением традиционных культурных и торговых связей Среднего Приуралья и Средней Азии из-за политически нестабильной обстановки, сложившейся в степях Евразии в V–VI вв. Возможно, поэтому мы не знаем находок явных образов пермского звериного стиля в харинский период истории Верхнего и Среднего Прикамья (V–VI вв.)⁶. Новый подъем в развитии пермского звериного стиля происходит в VII в., когда на территорию Среднего Приуралья в результате обменно-торговых операций начинается массовое поступление высокохудожественных среднеазиатских предметов и монет из серебра⁷. Именно в

этот период отмечается своеобразный расцвет пермского звериного стиля, заключающийся в развитии старых сюжетных линий и появлении новых композиций в культовой пластике древнего населения Среднего и Северного Приуралья.

Какие же сюжеты раннесредневекового пермского звериного стиля явно навеяны традициями сасанидской и согдийской торевтики? В первую очередь произошло возрождение иконографии всадников в культовой пластике средневекового населения Приуралья. В медно-бронзовой пластике Гляденовского костыща всадники изображены верхом на конях, реже – на волках⁸. В классическом пермском зверином стиле всадники не воинственны. Они показаны верхом на диких животных и мифических хтонических существах (ящеры). Иногда встречается изображение всадницы на лошади. Интересно, что сюжет вооруженного всадника-охотника, отраженный в находках сасанидского и согдийского серебра в Приуралье, не зафиксирован в иконографии пермского звериного стиля в период его расцвета, что, видимо, было связано с системой мифологических ценностей у местного таежного населения. Однако толчком к появлению образа всадника на хтонических существах (Вятское городище, Ухта) могли послужить изделия восточной торевтики с изображением богинь, сидящих на хищных (кошачьих) животных. Среднеазиатские чаши с таким сюжетом найдены в Пермской области близ населенных пунктов Ковино, Бартым, Нижнем Шахарово с сасанидским, среднеазиатским и византийским монетным материалом VI-VII вв. в ареале распространения ломоватовских и неволинских археологических памятников⁹. К.В. Тревер было отмечено явное сходство изображений крылатого пса на бронзовых украшениях-пронизях, часто встречающихся в погребальных комплексах Среднего Приуралья VII в. (агофоновская стадия ломоватовской и бартымская стадия неволинской культур), с иконографией священной древнеиранской собаки-птицы Сэнмурва¹⁰. На наш взгляд, это последнее культовое изображение канисовых в искусстве пермского звериного стиля в VII в., которые были очень широко распространены в культовой пластике ананьинского и гляденовского времени в эпоху раннего железного века, как мифологиче-

ские хтонические существа-медиаторы, проникающие из нижнего мира в верхний и периодически похищающие солнце и луну¹¹. В связи с этим древнепермское население могло воспринять изображение древнеиранского Сэнмурва в двух ипостасях: пес – нижний мир, птица – верхний мир. Учитывая то, что преобладающее число пронизей с изображениями крылатых псов найдено в могильниках, данные фигурки могли выполнять функции сопровождающего и охраняющего усопшего в мире мертвых. В дальнейшем иконография собаки, очевидно, была табуирована, так как после VII в.н.э. в искусстве прикамского населения ее образ больше не встречался.

К ярким образам пермского звериного стиля относятся фигурки человекокошей (пермское сулдэ) – изображения людей с головными уборами в виде лосиных масок. В.А. Городцов проводил убедительную аналогию между этими масками и головными уборами-кулаками членов сасанидского царского дома, которые украшались образами птиц и животных (монеты Варахрана II, Хосрова II и других сасанидских шахов)¹². Головные уборы человекокошей, напоминающие кулахи, хорошо отображены на прорезных бляхах из Тимшера, Усть-Каиба и др.¹³ Следует отметить, что пермское культовое литье с изображениями человекокошей хронологически сопрягается с ломоватовскими и неволинскими памятниками и древностями Печоро-Вычегодского речного бассейна VII–VIII вв. Именно в этот период в Среднее Приуралье поступает значительное количество монетного сасанидского и согдийского серебра и драгоценная утварь.

Для пермского звериного стиля характерно изображение хищных птиц с человеческой личиной на груди. Д.Н. Анучин связывал появление этих сложных образов в искусстве раннесредневекового населения таежной зоны Приуралья с «индийским представлением о священной птице Гаруде»¹⁴. Гаруда изображалась существом с человеческим туловищем и орлиной головой, крыльями, когтями. Любопытно мнение А.С. Сидорова, который выводил этимологию коми-зырянского слова «нагай» (гигантская хищная птица) от индийского слова «нага» – змея, так как древнеиндийская Гаруда являлась пожирателем змей¹⁵. Самые ранние образы хищных птиц в пермской

культовой металлической пластике обнаружены в материалах гляденовских костниц (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.). Эти образы, судя по мифу о происхождении народа коми, могли представлять коршуна – посланца бога Йомаля, который прилетал за кровавыми жертвами животных и детей. Археологические данные (останки человеческих жертв на поздненаньинских и гляденовских святилищах) свидетельствуют о том, что этот миф мог сложиться у древнепермских народов в конце I тыс. до н.э.¹⁶ Не исключено, что прототипами реалистичного образа хищной птицы в гляденовской культовой пластике могли являться древнеиранские или среднеазиатские образцы, связанные с зороастризмом (Варагны). Например, символ верховного бога Ахура Мазды представлял в виде фигуры царя между двух распахнутых крыльев. По мнению В.Г. Луконина, плоское изображение орла (IV в. до н.э.) из скифского кургана Пазырык (Горный Алтай) явно создавалось под сильным воздействием искусства Ахеменидов¹⁷. Кстати, наиболее реалистичные образы хищных птиц, обнаруженных на Гляденовском костнице, стилистически напоминают пазырыкских орлов (распахнутые крылья, четко выделенная голова с клювом и конечности, хорошо проработанное оперение).

С поступлением сасанидских высокохудожественных изделий с зороастрийскими мотивами в Прикамье в культовой пластике вновь возрождается образ хищной птицы. Привлекает внимание выразительный сасанидский сосуд из д. Большое Аниково Чердынского района Пермской области с изображением хищной священной птицы с распростертыми крыльями, несущей на небо богиню, возможно, Ардвисуру Анахиту¹⁸. В ломоватовскую эпоху (VIII–IX вв.) этот сюжет со значительной стилистической переработкой был передан в ряде выразительных образцов пермского звериного стиля (бляха из поселка курган Чердынского района Пермской области)¹⁹. Явно восточные традиции сказались на формировании в пермском зверином стиле образов хищных птиц, терзающих добычу (Ваш-Пальник, Антоновцы, Плес)²⁰.

С прекращением поступления сасанидского и согдийского серебра в Среднее Приуралье к концу VIII в. сюжетные линии пермского звериного стиля больше не изме-

няются. После принятия ислама в Волжской Булгарии в первой четверти X в. пермский звериный стиль резко деградирует, так как, несмотря на долгое сакральное хранение на отдельных святилищах и вкладах выдающихся образцов художественной сасанидской и согдийской торевтики (вплоть до XII в.), в металлической пластике средневекового населения наблюдается ремесленное упрощение. Восточные сосуды X–XII вв. с затейливыми растительными узорами и арабской вязью, которые появляются в этот период в ареале распространения родановской культуры (Чупино, Лысьва, Чигироб, Шакшер и т.д.), конечно же не служили основой для создания новых высокохудожественных образов пермского звериного стиля²¹. Хотя в Среднем Приуралье в этот период и встречаются сосуды с сюжетными антропоморфными и зооморфными изображениями поздневизантийского и хоросанского происхождения (Пеняхино, Верх-Боровая)²², они не оказали существенного влияния на характер культовой и декоративной металлопластики населения родановской культуры.

В Зауралье (Приобье) также имелся свой центр изготовления культовых изделий в виде звериного стиля, который развивался на базе древних местных традиций (кулайский культовый металл) и под сильным влиянием приуральской металлопластики²³. Однако культовое литье Приобья по своим художественным достоинствам проигрывает изделиям пермского звериного стиля, которые обладают сложными многофигурными композициями. Это обусловлено тем, что в Приобье драгоценная утварь сасанидского и согдийского происхождения в отличие от территории Среднего Приуралья была распространена в малой степени и, по мнению исследователей, начала поступать в Западно-сибирский регион довольно поздно – в IX–X вв.²⁴ Не исключено, что сасанидские металлические сосуды попали в таежную зону Зауралья в результате миграции финно-пермского населения (северные общины родановской и вымской культур) в начале XI–XII вв.²⁵ Они хранились на святилищах обских угров вплоть до рубежа XX и XXI вв.²⁶ Однако в Среднем Приуралье в этот период искусство культовой металлопластики переживало упадок, и пришлому населению было не суждено возродить высокохудожествен-

ственные сюжетные композиции в стиле пермского звериного стиля, которые бы отвечали мифологическому мировоззрению средневекового населения Приобья.

Примечания

¹ *Оборин В.А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976. С. 33-34.

² *Теплоухов Ф.А.* Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Пермь, 1893. Т.2; *Шмидт А.В.* К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля // Сб. музея антропологии и этнографии. Л., 1926. Т.6.

³ *Анучин Д.Н.* К истории искусства и верований у приуральской чуди // Матер. по археол. Восточных губерний России. М., 1899. Т. 3. С. 150-153.; *Городцов В.А.* Подчеремский клад // Сов. археол. 1937. Т.2.

⁴ *Вильданов Р.Ф., Мельничук А.Ф.* Дальние юго-восточные связи населения Пермского Приуралья в раннем железном веке // XV Урал. археол. совещание. Челябинск, 1999; *Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Лепихин А.Н.* Дальние южные связи населения Пермского Приуралья в раннем железном веке (по монетному материалу) // Новый гиперборей. Пермь, 2004.

⁵ *Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.* Гляденовское костиче: каталог. Пермь, 1999. С. 54.

⁶ *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985; *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

⁷ *Леценко В.Ю.* Восточные клады на Урале VII–XIII вв. (по находкам художественной утвари): автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1971. С. 11.

⁸ *Мельничук А.Ф.* Гляденовские всадники // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.

⁹ *Бадер О.Н., Смирнов А.П.* «Серебро Закамское» первых веков н.э. // Тр. Гос. ист. музея. М., 1954. Вып. 13; *Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро. Собрание Гос. Эрмитажа. М., 1987. Табл. 22(2).

¹⁰ *Тревер К.В.* Сенмурв-паскудж. Собака-птица. Л., 1938.

¹¹ *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Гляденовские волки с переплетенной пастью // В круге культуры.

Пермь, 2003; *Коренюк С.Н.* Образ волка-собаки в идеологии населения Прикамья в раннем железном веке // Оборинские чтения. Пермь, 2004. Вып. 3.

¹² *Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969.

¹³ *Оборин В.А., Чагин Г.Н.* Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988. Табл. 138, 139, 141.

¹⁴ *Анучин Д.Н.* К истории искусства и верований у приуральской чуди. Т. 3. С. 150-153.

¹⁵ *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., 1975. С. 89.

¹⁶ Фольклор народа Коми. Архангельск, 1937. С. 43.

¹⁷ *Луконин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 91.

¹⁸ *Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро... Табл. 58 (22).

¹⁹ *Оборин В.А., Чагин Г.Г.* Чудские древности Рифея Табл. 136.

²⁰ *Оборин В.А.* Древнее искусство народов Прикамья ... Табл. 19, а, б; 20, б.

²¹ *Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Матер. и исслед. по археол. СССР. М., 1952. №27. С. 153, 166, 169.

²² Там же. С. 157: *Бординских Г.А., Колбас В.С.* Находки из Хоросана // Исслед. по археол. и ист. Урала. Пермь, 1998.

²³ *Зыков А.П., Кокиаров С. Ф., Терехова Л.М. и др.* Угорское наследие. Екатеринбург, 1994. С. 28-39.

²⁴ *Даркевич В.П.* Аргонавты средневековья М., 1976. С. 74; *Бауло А.В.* Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2002. С. 12-13; *Федорова Н.В.* Западносибирское средневековье в зеркале художественного металла (VIII-XIV вв.) // Северный археол. конгресс: докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 218.

²⁵ *Морозов В.М., Пархимович С.Г.* Городище Перегребное (К вопросу о проникновении приуральского населения в западную Сибирь в начале II тыс. н.э. // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985.

²⁶ *Бауло А.В.* Иранские и среднеазиатские сосуды. С. 12.

INFLUENCE OF PLOTS OF SASSANIAN AND SOGDIAN SILVER ON IMAGES OF PERMIAN ANIMAL STYLE

R.F. Vildanov, A.F. Melnichuk

The Regional Centre of Defence of the Monuments of History and Culture, 614000, Perm, 25 October st., 15

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st, 15

Influence of eastern toreutic arts' plots (Sogdian Middle Asia and Sassanian Iran) on metal plastic arts of Permian Animal Style is being analyzed.